

18+

Сиротка из дома мамы Ожюль

Ирина Павлова

Ирина Павлова

Сиротка из дома мамы Ожюль

«Издательские решения»

Павлова И.

Сиротка из дома мамы Ожюль / И. Павлова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-643660-2

Девочку обманом увозят из страны. Её отдают в сиротский приют для детей из знатных семей. Девочка убеждена, что отец её предал и надеяться ей теперь не на кого. Что ей делать в чужой стране, когда на её содержание в приюте перестанут присылать деньги?

ISBN 978-5-00-643660-2

© Павлова И.
© Издательские решения

Сиротка из дома мамы Ожюль

Ирина Павлова

Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации и техническом содействии Союза российских писателей

Редактор Н. С. Чанваню

Дизайнер обложки И. А. Павлова

© Ирина Павлова, 2024

© И. А. Павлова, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0064-3660-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дзинь! В моё ведро прилетел ещё один клубень картошки. Я, вздохнув, глянула на этого вредного, негодного мальчишку, который, издеваясь, ухмылялся.

– Чего уставилась?! Чисти быстрее. Из-за тебя всё утро тут просидим. Мы с ребятами на пустырь идём с бандой Горбоносого разбираться.

Нэль замахнулся на меня рукой для устрашения, но, услышав приближающиеся тяжёлые шаги мамы Ожюль, схватил клубень картофеля и начал усердно счищать с него толстую тёмную кожуру.

Я же, растерявшись, не успела среагировать и получила звонкую затрещину от мамы за то, что сижу без дела. От её тяжёлой руки в голове зазвенело. На глаза от обиды и несправедливости набежали слезы, которые я тут же смахнула рукавом и склонилась над ведром.

Я давно уже начистила своё ведро картошки и уже давно бы отдыхала, если бы Нэль не подкидывал в моё ведро свою картошку. Будто я виновата, что ему несподручно или лень её чистить своими огромными ручищами.

Я ненавидела дни, когда была наша очередь с ним чистить на всех к обеду картошку.

Почему мама Ожюль поставила меня в пару именно с ним, а не с косым Греггом, который ловок в работе? Или со сплетницей Элькой. Та хотя бы, пока сплетничала, ножом работала быстро и аккуратно.

Всего нас, воспитанников, у мамы Ожюль было двенадцать. Она могла бы и больше взять от жажды наживы, да ей не позволяли органы местной власти, не то бы спали мы друг у друга на головах. Мы и так теснились по шесть человек в двух небольших комнатах, и с нами, пятью девочками, ещё втиснули вечно ноющего тощего пятилетнего мальчишку, родственника какого-то графа Ричарда, потому что мальчишкам в комнате он мешал спать.

Говорят, у него недавно погибли родители, и добрый родственник быстренько от него избавился, определив к нам.

Нянчиться, конечно, с ним приходилось тоже мне, потому что никому до него никакого дела не было.

В других четырёх комнатах жили сама мама и её сын – Ворчун Грегг, в третьей была столовая, она же комната для рукоделия, и четвёртая была превращена под кабинет мамы Ожюль, где она принимала с важным видом богатых посетителей, которым невтерпёж было избавиться от неугодных родственников, обедневших или умерших братьев или сестёр.

Ну, вот и настал момент, когда последний клубень картошки был очищен. Довольный Нэль схватил тяжеленную бадью с очищенной картошкой и понёс в кухню, наказав мне, будто без него не разберусь, навести в кладовке порядок.

Вообще-то он мне казался неплохим человеком – до тех пор, пока не наступала наша очередь чистить картошку. Иногда он даже мне нравился. В свои тринадцать лет он был самым сильным и высоким из нас. Хотя в его комнате было двое парней на год старше его. Но авторитет, бесспорно, принадлежал Нэлю. Вряд ли бы кто осмелился оспаривать своё превосходство, когда у него вон какие кулачищи.

Иногда мне кажется, что он, скорее, сын кузнеца, чем незаконнорождённый отпрыск герцога, хотя должна признать: лицо у него было красивое или, как говорит мама Ожюль, благородное. Недаром он ходит у неё в любимчиках. Наверное, тоже равнодушна к его ярким синим глазам и длинным чёрным ресницам, как у всех Хэндриков, чья кровь в нём явно преобладает, но это тайна, которая известна только мне...

Мне даже думается, что, если бы у герцога Андрэаса Хэндрика не было своего законного сына, он охотно признал бы Нэля и называл бы его гордым полным именем Нэльсон Хэндрик. А ещё иногда мне приходит странная мысль, будто и не отказался вовсе от него отец, а защищает таким образом.

Я никому не говорила, но однажды случайно стала свидетельницей кое-чего необычного.

Наша комната, я имею ввиду комнату девочек, как раз находится над парадной. Окно комнаты выходит на улицу, где очень хорошо видно дорогу во двор и подъезжающие к дому кареты.

Однажды ночью я проснулась от тихого хныканья малютки Ричарда: ему снова снилась мама.

Его кровать как раз стояла около окна. Я подошла к нему и успокоила, присев на край кровати, погладив по его каштановым кудрям.

В комнате было душно, и я решила приоткрыть немного окно, чтобы впустить в комнату свежий воздух. Встала коленями на кровать и потянулась к окну, жадно вдыхая свежую ночную прохладу.

До моих ушей донёсся скрип подъехавшей кареты. Кто бы это мог быть в такой час? Я удивилась и кинулась было будить мамашу Ожюль, когда заметила в неровном свете горевшей свечи спешащий к карете знакомый крупный силуэт мамы. Украдкой поглядела на спящих девочек и, убедившись, что все крепко спят, открыла окно чуть больше.

В тишине урывками слышался чей-то властный голос и заискивающий, мягкий – мамашин. Таким голосом она разговаривает только с теми, кого боится и уважает или пытается обмануть. Но тут я почувствовала в её голосе нотки страха.

– Я не потерплю этого, – глухой голос, говорил человек в карете. Самого этого человека видно не было, так как он изволил говорить, не вылезая из кареты, лишь приоткрыв дверь. По тому, как мамаша низко кланялась, я поняла, что в карете очень важная личность.

Странно, что эта личность решила явиться лично и под покровом ночи.

– Но я внимательно слежу за его свет... ой, простите, за своим воспитанником. Ни один волосок не упадёт с его головы, обещаю. Я буду...

– Что ты будешь, женщина? Он не должен догадаться, кто он, до поры до времени. Не выделяй его. Пусть делает ту же работу, что и другие. Старайся, чтобы он меньше бывал в городе: его не должны узнать. Если из-за твоего недосмотра с ним что-то случится, если его найдут, я сожгу тебя вместе с твоими развалинами и всеми ублюдками, которых ты приютила.

Мне стало жутко. Дрожь охватила моё тело, и страх сковал горло. Подслушивать резко расхотелось. Я трясущимися руками быстро закрыла окно, случайно в спешке громко стукнув рамой. Боже мой! Что я наделала? Меня сейчас накажут.

Торопливо юркнув в свою кровать, я отодвинулась к стене и замерла в ожидании. Долго ждать не пришлось. Вскоре в коридоре за дверью я услышала тяжёлые, но осторожные шаги мамы Ожюль и зажмурилась от страха, больно вцепившись пальцами в собственные колени.

Скрипнула дверь соседней комнаты, в которой спали мальчишки. Их комната была ближе, а так как мамаша точно не знала, кто стучал в окно, она решила проверить обе комнаты на предмет возможного шпиона.

Видимо, мальчики все спали, и мамаша была в этом абсолютно уверена, потому что очень скоро дверь их комнаты закрылась и открылась наша.

Я боялась дышать, чтобы неровным дыханием не выдать себя.

Мамаша Ожюль подходила, наклонялась к лицу каждого ребёнка и замирала на мгновение.

Дошла очередь до меня. Я сжалась от ужаса и приготовилась к непоправимому. Горячее дыхание мамыши, одобренное запахом чесночной колбасы, опалило мне лицо и ударило в нос. В носу у меня резко засвербело. Я чихнула и открыла глаза. Прямо на меня смотрели два прищуренных чёрных глаза мамыши Ожюль.

Я закричала на весь дом от страха, что меня поймали, и резко подскочила, больно ударившись лбом о лоб мамыши. Быстро сообразив, чем мне это грозит и выбрав меньшее из зол, завопила:

– Грабитель, помогите! В доме грабитель! И завизжала, когда тяжёлая рука мамыши пыталась заткнуть мне рот.

Естественно, весь дом проснулся. Дети со страху бегали по дому, не понимая, что делать и кого ловить или от кого спастись, пока мамаша Ожюль не закричала громким и властным голосом:

– Тишина в доме!

Все замерли. В доме вдруг и впрямь на краткое время наступила тишина. Слышалось лишь раздражённое сопение мамыши и раздражающее ворчание её вечно недовольного сына.

– Немедленно разойтись по комнатам и чтоб ни звука! – скомандовала она и, подхватив под руку сына, повела его в сторону своего кабинета.

Не знаю, удалось ли мне отвести от себя подозрение мамыши, но утро началось как обычно. Проснулись. Навели в комнатах порядок. Умылись. Позавтракали и, согласно графику дежурств, разошлись выполнять свои обязанности. Мамаша Ожюль вела себя как обычно, и я успокоилась и выкинула ночное происшествие из головы.

Сегодня на мне поход в швейную мастерскую к сестре мамыши Ожюль, мадам Вивьен. Мне нужно отнести готовые и забрать новые заказы на кружево, которое плели мы с девочками. Мадам Вивьен украшала ими новые платья и платки для своих клиентов. А ещё нас заставляли шить нижнее женское бельё и сорочки из шёлка. Мадам Ожюль имела с этого неплохой процент. Она называла нас дармоедками, сидящими на её шее, и заставляла трудиться ещё усерднее и кропотливее, если мы не хотим, чтобы нас заменили другими детьми, более покладистыми.

Как заменили? Известно как. Тех детей, за которых отказывались или не могли больше платить за их содержание, вывозили в какую –нибудь деревню и оставляли в той одежде, в которой привезли. В руку давали кусок хлеба и пустую бутылку. При этом говорили традиционные, простые слова: «Иди и выживи или ложись и умри!»

Мамаше всё равно было, сколько лет на тот момент было ребёнку: нет денег – нет приюта. И вообще, свой поступок она расценивала как исключительно мудрый и гуманный. А вскоре у нас появился новый маленький жилец.

Задумавшись о своей никчёмной жизни, я не заметила, что за мной шлёпают чьи-то мелкие ножки. Обернувшись, с удивлением обнаружила маленького Ричарда. За две недели, что он у нас жил, мальчик привязался ко мне и теперь постоянно ходил везде хвостиком.

Я взяла малыша за руку, чтобы не потерялся, и пошла дальше, сбавив скорость, чтобы он не устал.

– Ох, Ричи, маленький ты мой, – тихо, будто сама с собой, бубнила я. – И зачем ты за мной увязался? Если мамаша узнает, получим оба.

– Лиза, я боюсь там быть без тебя. Меня за волосы щипают, когда ты не смотришь, а ещё пинают больно.

– Кто? Кто тебя пинает? – рассердилась я, резко останавливаясь и садясь перед мальчиком.

Малыш напугался, что сболтнул лишнего, и поджал губы хмурясь.

– Никто. Никто. Я пошутил.

Я поняла, что выпытать сейчас, кто обижает малыша, не получится, да и опаздывать в мастерскую нельзя: наказать могут, но для себя решила быть бдительнее теперь и внимательнее присматривать за мальчиком.

В мастерской мадам Вивьен вкусно пахло кофе и пирожными. Мы вошли с заднего входа, как и положено работникам. В светлой комнате у окна сидели две швеи и быстро орудовали иглами на дорогих отрезках ткани, не обращая на нас никакого внимания.

За шторой, скрывающей вход в торговый зал, слышался приторный голос мадам и требовательный и одновременно капризный, судя по голосу, – молодой клиентки.

– Мне не нравится это кружево! Отпорите его и пришейте, вот как на этом платье; оно более тонко и изящно смотрится.

– Но, леди Олимпия, такое кружево придётся ждать. Его делает только одна мастерица в нашем городе, и, сами понимаете, что стоит оно в разы дороже.

– Ерунда! Уверена: папочка всё оплатит. А вы немедленно заставьте свою мастерицу поспешить и сделать мне такое же кружево!

– Обязательно, леди. Но придётся подождать.

– У меня важный приём через два дня, постарайтесь успеть к сроку.

Голоса замолкли – видимо, посетительница ушла, так как я услышала звон дверного колокольчика. Шторы, шурша, раздвинулись, и в комнату вплыла пухленькая хорошенькая женщина, совершенно не похожая на свою сестру. Увидев меня, мадам Вивьен вздохнула с облегчением и поманила к себе, садясь в мягкое кресло около миниатюрного чайного столика.

– Девочка моя, как же ты вовремя... – начала она, но вдруг её взгляд упал на мальчика, до этого прятавшегося за моей спиной.

– А это что ещё за чудо? Неужели Ожюль выделила тебе помощника? – засмеялась она, протягивая Ричарду сладкую корзинку с кремом со своего столика.

Ричард насторожился и вопросительно посмотрел на меня. Я кивнула ему, разрешая принять угощение, и мальчик с радостью протянул руку за лакомством.

– Лизонька, ты принесла мне готовые кружева?

Я отдала ей свёрток, который всё это время был зажат у меня под мышкой.

Мадам Вивьен торопливо развернула упаковочную бумагу и скривилась, будто съела испортившийся пирог.

– Но где же твоя работа, Лиза?

Я посмотрела на разбросанную по столу гору готового кружева и поняла, что мадам Ожюль почему-то её сюда не положила.

– Не знаю, мадам, – ответила я виновато, хотя моей вины в том не было. – Я всю неделю по вечерам плела. Каждый вечер по готовому воротничку отдавала мадам Ожюль.

– Понятно, – протянула мадам задумчиво и откинулась на спинку кресла. Затем встала и, приказав дожидаться её, вышла из комнаты.

Прошло не меньше четверти часа, прежде чем она вернулась. Взгляд решительный и несколько воинственный. Она вручила мне письмо, велев передать строго в руки сестры. Затем, решив что-то для себя, она улыбнулась и, нагрузив нас свёртками с отрезами шёлка и нитками, поспешила выпроводить из мастерской, но на пороге открытой двери спросила:

– Лиза, как зовут мальчика?

– Ричард, мадам, – ответила я, недоумевая, что ей за дело до отказника.

– А дальше?

Я молчала, не понимая, чего она от меня хочет услышать. Ричард спрятался за меня от её пристального взгляда.

– Ладно, ступайте, – раздражённо махнула она рукой, – малыш мне кого-то напоминает. Ну, ничего, ступайте.

Когда мы пришли домой, нас встретила разъярённая мадам Ожюль, а воспитанники жались по углам, стараясь не попадаться ей на глаза. В её глазах были безумство и страх. Вслед за нами откуда-то прибежал Нэль и, наткнувшись на сердитую мадам, попятился в нашу сторону.

– Кто тебе разрешал брать с собой в город мальчишек? – орала она на меня, брызжа слюной.

Я посмотрела на Ричарда и Нэля. Ну, ладно Ричард, ему всего пять лет, но как могла мадам подумать, что я могла увести с собой Нэля, который и старше меня на год, и выше на целую голову? Будто он когда-то кого-то слушал, чтобы я могла запросто взять его с собой. Я хотела сказать, что Нэль не было с нами, но Нэль, поняв, что я сейчас его выдам, качнул головой, моля глазами не рассказывать ничего.

Я снова набрала побольше воздуха в лёгкие и опустила голову покаянно, готовясь к наказанию.

– Простите, мадам. Больше такое не повторится.

Мадам схватила меня за косу, намотав её на кулак и крикнув на мальчишек, чтобы не смели больше без разрешения выходить из дому, поволокла меня в свой кабинет.

Я молча глотала слезы от боли и старалась быстро переставлять ноги, чтобы не рухнуть на пол. Все свёртки, что были у меня в руках, были разбросаны по полу, но мадам это мало трогало.

Закинув меня, как какую-то вещь, в кабинет, мадам с силой захлопнула дверь.

– Тварь! Говори, кто велел тебе вывести его из дома?

Я как упала, так и лежала на полу и лишь молча, вспомнив про письмо, протянула его мадам, надеясь на то, что она им заинтересуется и выгонит меня из кабинета. Но я зря надеялась. Мадам, прочитав письмо, снова посмотрела на меня.

– Зачем ты сказала ей, что каждый вечер плетёшь по воротничку? Я смотрю, у тебя язык слишком длинный. Ну, ничего, ничего.

Мадам рыскала взглядом по своему столу. Ища что-то и не находя, крикнула своего сына:

– Грэг! Грэг, принеси мне мои ножницы!

Я тряслась от страха и не знала, куда спрятаться. За моей спиной открылась дверь. Всё! Сейчас меня будут убивать! Я уже рыдала в голос, когда в комнату вошёл Нэль со сжатыми в кулаки руками, а за ним с воплем ужаса вбежал малыш Ричард и кинулся мне на шею.

Мадам резко изменилась. Она, будто поняв для себя, чего-то испугалась.

– Кыш! Все вон отсюда! Убейтесь! Мелкие неблагодарные выродки!

Нэль помог мне подняться с пола и, поддерживая под руку, вывел из кабинета, как раз когда в него вбежал с огромными ножницами Грэг. Я лишь взглянула на ножницы и, представив, что она могла со мной ими сделать, чуть не лишилась чувств.

– Не вздумай падать, – буркнул Нэль, стараясь разогнать любопытных ребят и скорее довести меня до девичьей комнаты.

Как только мы дошли, Нэль остановился.

– Прости, Лиза. Я не трус, но нельзя было говорить, где я сегодня был. Спасибо, что прикрыла меня. Ты не думай, я не позволил бы ей отрезать тебе язык.

Вот так успокоил. После его слов мне стало ещё страшнее.

– В следующий раз я сам почищу всю картошку. И за тебя тоже, – нехотя добавил он.

Я ничего не ответила, взяла испуганного не меньше меня Ричарда за руку и вошла в комнату, закрыв за собой дверь. Дело было к обеду, и комната была пуста. Я легла на кровать. Ричард лёг рядом, сжавшись в комочек.

– Плохие все. Все плохие. Лиза, я боюсь. Я хочу к маме.

– Бедный малыш, – думала я, успокаиваясь и перебирая его мягкие каштановые кудри. Как жестока и несправедлива судьба! Ну, как родной дядя мог отказаться от такого славного мальчугана? Почему не дрогнуло его сердце при виде горя на лице своего племянника?

А я? Я сама – то не лучше. Родной отец избавился от меня, как только нашёл замену матери.

– Не сын, не нужна, – так передала мне слова моего отца мачеха, когда везла сюда два года назад. Что со мной будет, если отец перестанет посылать на моё содержание деньги? Раньше только от одной этой мысли мне было невыносимо страшно, а теперь мне самой хочется бежать отсюда, куда глаза глядят. Устала.

Оказывается, сон сморил нас с Ричардом, и мы крепко спали, обнявшись, пока нас не разбудила Лили, старшая из девочек и из всех воспитанников. Недавно ей исполнилось пятнадцать, и она очень надеялась, что родственники заберут её домой или же выдадут замуж. Она была похожа на самую настоящую леди, воспитанную, красивую и утончённую. Но нашим мальчикам она не нравилась. Мальчишки недолюбливали её из-за того, что она вечно всех поправляла и поучала.

– Лизонька, – толкнула она меня слегка в плечо, чтобы не разбудить малыша.

– Вставай. Вы весь обед проспали. Мадам Ожюль зовёт тебя в свой кабинет, – прошептала она.

– О боже!

Я осторожно сползла с кровати. Вспомнился весь кошмар, что пережила не так давно, и меня начало потряхивать от страха.

– Что же сейчас будет? – тихо шептала я, кружась между кроватями. – Что она со мной сделает, Лили? – я упала на колени перед девушкой, которая сидела на краю своей кровати и с жалостью смотрела на меня. Взяв её за руки, я спросила:

– Скажи. Когда она велела меня позвать, она очень зла была? Только правду говори!

Лили выдернула руку из моих рук и провела по моим щекам, стирая с них дорожки слёз.

– Нет, Лиза, нет. Мне кажется, она придумала для тебя какое-то наказание. Она была спокойна, верь мне. Иди, а то пока ты собираешься, мадам может, действительно, рассердиться на тебя.

– Только ты её можешь называть мадам, – сказала я, как бы упрекая и поднимаясь с колен.

Я подошла к единственному круглому мутному зеркалу, висящему на стене около двери, привела растрепавшиеся волосы в порядок. Затем сбегала в помещение за кухней, где мы обычно мылись по пятницам, умылась и оправила на себе платье. Всё. Можно идти к мамаше Ожюль.

Подойдя к кабинету, я прислушалась. Тишина. Нет тяжёлых шагов по кабинету туда-сюда – значит, она уже не так сердится, как утром. Я вздохнула и постучала в дверь, тут же входя в кабинет.

В кабинете, около стены, уже сидел на стуле, опустив голову, Нэль.

Мамаша Ожюль сидела за столом, развалившись в кресле, читая какое-то письмо. Я узнала его: именно его я вчера ей принесла от её сестры.

– Закрой дверь и подойди, – жёстко, но не так страшно произнесла мамаша, откладывая письмо в сторону.

– Сядь рядом с ним, – кивнула она на Нэля и посмотрела на нас пристальным взглядом.

– Вы оба обманули и подвели меня. А значит, я должна вас наказать, чтобы другим неповадно было.

Мы с Нэлем переглянулись: как-то жутко становилось от её спокойного голоса.

– Так как за вас всё ещё платят родственники, избавиться я от вас не могу. Наказать более сурово с применением розог тоже: это указано в договоре с вашими опекунами. Хотя, на мой взгляд, по-другому вас не воспитать, иначе не было бы сейчас у меня с вами таких проблем. Поэтому поступим так. Ты, Лиза, всю неделю с утра до вечера будешь плести кружева, начиная прямо сейчас. Из-за твоего болтливости языка у меня неприятности, – помахала она письмом. – Лично буду проверять твою работу, только попробуй испортить мне хоть одну нить.

Она посмотрела на меня своим особым взглядом, от которого непроизвольно всё тело покрывается мурашками и мелко дрожит.

– А ты, Нэль, за то, что убежал на разборки с местными беспризорниками и обман, будешь всю неделю присматривать вместо Лизы за Ричардом. Его кровать уже должны были поставить к вам в комнату.

Мамаша Ожюль с удовольствием следила за реакцией мальчишки.

– Что, думал, от меня можно что-то скрыть? Но это ещё не всё, мой дорогой. Каждое утро вы с ним будете чистить овощи, полоть огород и учить буквы.

– Что? – поднялся Нэль возмущённо. – Я не нянька для сопляков и не гувернер. Я...

– Молчать! – взревела мамаша Ожюль, резво для её комплекции поднявшись с кресла и обогнув стол, близко подходя к Нэлю.

Мне стало так страшно, что я вжалась в спинку стула и задержала дыхание.

– Ты, – тыкая толстым пальцем в грудь мальчика, медленно чеканила мамаша, – будешь. Делать. То. Что я тебе скажу!

– Нет! – упорствовал Нэль. – Я уйду из этого проклятого дома, и никто мне не указ!

– Хах, давай, иди! Только куда? Отца твоего в стране нет сейчас. Ты не знал? Он даже не узнает, что ты сбежал, пока не вернётся. Скоро осень, ты сдохнешь, шляясь, как попрошайка, на улицах. Сейчас у тебя есть крыша над головой и хоть призрачный, но шанс вернуться в семью. Ты знаешь, зачем твой отец уехал из страны? Нет? А я знаю. Твой брат болен. Герцог возит его по врачам в надежде вылечить, но что будет, если всё-таки у него ничего не выйдет? А?

Нэль молчал. Он больше не злился. Мне показалось, что он расстроился или о чём-то задумался, но эти мысли его не радовали. Мамаша же расценила его молчание по-своему и продолжила:

– Вот. Подумай. Сбежишь и станешь бродяжкой или останешься и будешь слушать меня и, возможно, станешь наследником герцога.

Нэль по-прежнему молчал, лишь руки его время от времени сжимались в кулаки и тут же разжимались.

– Вон из кабинета! К наказанию приступить немедленно!

Мы, не глядя друг на друга, вышли из кабинета и отправились в разные стороны.

Я вошла в столовую, которая сейчас служила комнатой для рукоделия, и, найдя свою корзинку, принялась за работу, крепко задумавшись.

Кто же был тогда в карете ночью, и о ком шла речь? Я-то думала, что речь шла о Нэле: он всё-таки сын самого герцога, почти принц. Но раз мамаша и Нэль завели такие речи, то о ком тогда шла речь той ночью? Кого из мальчиков, живущих среди нас, здесь прячут? Кто он? И от кого он прячется и почему?

* * *

Крючок плясал в моих руках, превращая тонкую шёлковую нить в прекрасное ажурное кружево. Я любила вязать, ведь этому меня научила моя мама. По вечерам после ужина и по утрам, когда у нас были гости, я тихо сидела у камина, плела кружева, выдумывая новые узоры, и слушала рассказы и сплетни взрослых.

Воспоминания о маме мне всегда причиняли боль. Редко кто мог похвастаться близкими отношениями с матерью. Мама была для меня больше, чем матерью – она была мне подругой. Я никогда ничего от неё не скрывала, даже когда влюбилась в сына нашей поварихи. Я рассказывала, какой он весёлый и как мне с ним хорошо, а мама улыбалась, слушая меня и понимая, что моя влюбленность – это обычная детская привязанность.

Одинокая слезинка упала на мою руку.

– Лиза, почему ты плачешь? – спросила меня сидящая рядом Элька.

Я слишком глубоко погрузилась в свои воспоминания и не заметила, когда комната наполнилась другими девочками, которые уже вовсю плели свои кружева или шили нижнее бельё для магазина мадам Вивьен.

– Так, есть хочется очень. Я ведь пропустила обед.

И, в подтверждение, мой желудок жалобно заурчал. Элька засунула руку в карман платья, достала маленькое печенье и протянула мне.

– На, ешь. С завтрака в кармане ношу, хотела птичкам в саду покрошить, но мамаша сегодня злая, никого на улицу не выпускает.

Я с благодарностью приняла угощение и положила в рот.

– Ммм... вкусно, спасибо.

– Да пожалуйста. Мне наша кухарка завтра ещё обещала дать несколько штук за то, что я ей посуду мыть помогаю, пока её дочь болеет.

– Повезло тебе. А почему нам на завтрак такое печенье не дают? Для кого же она его печёт?

– Хах, не знаешь, что ли? Мамаше Ожюль, конечно, и сыночку её. Иногда гостям. Кстати, когда сегодня драила кастрюлю после каши, узнала, что кого-то из девочек скоро увезут.

В столовой стало тихо. Все прислушивались к разговору.

– Откуда ты знаешь? И почему именно девочку?

– Кухарка сказала, что ждут гостей, которые приедут за воспитанницей. Мамаша Ожюль велела приготовить пирожные с кремом и мясной пирог.

– Значит, скоро?

– Конечно, скоро, если печь завтра с утра велели.

– Но кого же заберут и куда? – накинлись на Эльку расспросами другие девочки.

– Да откуда же я знаю? Что знала, то рассказала.

– А вдруг за кого-то из нас перестали плати-и-и-ть? – завыл девичий тонкий голос.

– Ага, и пирог с пирожными готовят, чтобы в деревне сытно жилось, – засмеялась Элька. – Нет. Я думаю, забирают в семью кого-то, а значит, у нас скоро появится новая девочка.

Девочки так разгалделись, гадая, за кем это завтра приедут родные, что не услышали, как открылась дверь и вошла мамаша Ожюль.

– За работу, лентяйки! – крикнула она и дала подзатыльник девочке, которая сидела ближе всего к ней.

– Ишь, разгалделись! Сплетничать вздумали? Вот я вас сегодня без ужина -то оставлю, будете знать, как языками чесать.

Затем мамаша Ожюль посмотрела на меня и подошла, вглядываясь в работу в моих руках.

– Хорошо, красиво. После ужина ещё одно сядешь плести: из-за тебя сестра на меня сердится. Не могла промолчать, так вдвое больше работать будешь.

– Но сегодня банный день. Пятница.

Мне было страшно говорить что-то поперёк слов мамы, но ведь после ужина, действительно, мы все должны по очереди вымыться. Сначала все девочки, затем мальчики. Пропускать мне не хотелось, иначе ещё целую неделю грязной ходить придётся.

– М-да, совсем забыла. Ну, ничего. Как помоешься, зайдёшь ко мне в кабинет, я дам тебе свечу. Как хочешь, а дюжину воротничков надо за три дня сработать. Поняла меня?

– Да, – пискнула я и принялась за работу.

Мамаша проверила работу у всех девочек. Кого-то похвалила, кому-то отвесила подзатыльник и, довольная собой, вышла из столовой...

На ужин подали опять жидкий луковый суп и по ломтю чёрного хлеба. Напиток, отдалённо напоминающий кофе, и молоко для двух младших ребят.

Я была голодна, поэтому быстро съела свою порцию, как и мальчишки, не обращая внимания на то, что Колин больно пинал меня ногой под столом, чтобы я ему отдала, как всегда, часть своего хлеба. Пусть лучше побьёт меня потом, но я наемся сегодня.

Лили поделила свой кусок хлеба между тремя старшими мальчишками, съев только суп. А я сидела, потягивая тёплый, не очень вкусный напиток и вглядываясь в лица мальчишек, пытаясь исподтишка разгадать свою ночную загадку.

Но подумать как следует не получилось. Лили встала, оставила двух дежурных мальчиков убирать со стола, а девочек отправила за чистыми вещами для купания.

* * *

В моечной сегодня было так жарко натоплено, так хорошо, что не хотелось выходить из неё. Девочки набрали из большой бадьи горячую воду в тазы и, помогая друг другу тереть спины и промывать тем, кто младше, головы, весело переговаривались и брызгались. Банный день любили все. Тут и отдохнёшь, и вымоешься, и поговоришь вдоволь, не боясь мамы Ожюль, на время забывая о проблемах. Вода уносит наши печали.

После мытья мы обычно стирали своё бельё в тазах и забирали с собой, чтобы развесить сушить на чердаке. Там были натянуты длинные ряды верёвок. Справа сушили своё бельё девочки, слева – мальчики. А нижнее бельё обычно прятали сушить под сорочки, чтобы не краснеть друг перед другом. Я выходила из моечной последней, потому что задержалась, помогая со стиркой Эльке, самой младшей из нас. Эльке было десять лет, она многое умела сама, но выжать как следует бельё у неё получилось плохо: ручки были хоть и проворными, но маленькими и слабенькими.

На выходе из моечной уже выстроились мальчишки с чистыми вещами подмышками. Нэль в стороне стоял, держа вещи Ричарда, и хмурился. Роль няньки его бесила. Он с большим удовольствием вернул бы эту обязанность мне, его синие глаза так сверкали, будто это была моя вина.

Я засмотрелась на них и пропустила момент с подножкой. Пришла в себя уже на полу с разбросанным постиранным бельём. Колин отомстил мне за хлеб, которым я не пожелала делиться.

В коридоре стоял хохот мальчишек. Ричард кинулся помочь мне поднять бельё, но лучше бы он этого не делал. Надо же было схватить ему мои панталончики и на вытянутых руках – так, что увидели все, с гордостью подать их мне! Мой маленький рыцарь и не понял, почему я так покраснела и почему мальчишки стали смеяться ещё громче. Схватив бельё, я побежала на чердак, услышав с удивлением за спиной, как Нэль что-то буркнул, и тут же послышался смачный шлепок и недовольство Колина.

– Эй, чего ты дерёшься? Весело же было!

* * *

Девочки уже спали, когда я вошла в комнату. Мамаша Ожюль не разрешила покинуть мне её кабинет, пока я не закончила вязать новый воротничок. По её глазам я видела, что он ей понравился, даже больше – ей хотелось оставить его себе, но она не могла: кроме меня, такие вязать никто не умел. А сестра чем-то, видно, прижала её, раз она так старается ей угодить. Она вертела его в руках, крутилась перед зеркалом, примеряя к своему платью, затем скривилась, вспомнив что-то, и бросила его на свой стол, отправив меня спать.

В коридоре мне встретился заспанный сын мамы Ожюль. Он шёл, бурча себе под нос, что кто-то повадился шастать по ночам и ему спать мешает. Не обратив на меня внимания, он вошёл в кабинет матери.

Мне стало любопытно: не тот ли это человек, которого недавно я видела в окно, к нам сегодня пожаловал?

Осторожно закрыв за собой дверь, чтобы не разбудить девочек, я подкралась к окну и прилипла лбом к стеклу, пытаясь разглядеть, есть ли кто у двери на улице.

Сначала мне показалось, что на улице пусто, и я, разочарованная, отлипла от стекла, но потом из дома вышла мамаша Ожюль со свечой в руке, и я увидела, как от дерева отделилась тёмная тень и, не доходя до мамы несколько шагов, остановилась. Чтобы услышать, о чём они говорят, я немного приоткрыла окно – слава Богу, получилось без звука.

– ... так надо, – сказал человек. По голосу я поняла, что это не тот, что был в карете в прошлый раз.

– Но я не знаю, с кем его отправить. И как устроить его защиту в дороге. И потом, поднимется шум, что я скажу?

– Кому? Дура, если ты откроешь свой рот, сама знаешь, хозяин на расправу скор. Найди способ спрятать его и молчи, пока граф сам не явится к тебе.

– Но почему вы сами не...

– Нет. Ты точно не заслужила тех денег, что получила от хозяина. Подумай своей головой. За ним всё время следят. Предатель ещё не найден. Если бы всё было просто, в твоих услугах мы бы не нуждались.

– Я понимаю, но, может быть, мальчик ещё на пару дней здесь останется? Дело в том, что завтра у меня будут гости и...

– Кто?

– Барон. Он узнал о своей дочери и желает убедиться, что это, действительно, она. Тоже просил молчать: боится обмануться и расстроить девочку, если это не она.

– Хм, а это выход. Сделай так, чтобы они увезли его с собой, и молчи об этом. Воспитанники пусть думают, что его украли. Отпусти погулять якобы на поиски, пусть пошумят. Тот, кому надо, услышит, а у нас появится время на поиски заговорщиков. И да, не вздумай нас предать!

Человек показал мамаше Ожюль какой-то знак, кинул звонкий мешочек и быстро скрылся в тени деревьев.

Я дождалась, когда мамаша зайдёт в дом, и только потом закрыла окно, чтобы нечаянно не стукнуть рамой, как в прошлый раз, и не привлечь внимание.

Я быстро разделась и легла в постель. Меня била крупная дрожь. Я укуталась, как в кокон, в одеяло, чтобы согреться, но тщетно. Причина моей дрожи была не в холоде. Этот странный разговор, что я подслушала, заставил меня надеяться на невозможное. Неужели это мой отец? Он ищет меня? А зачем? А если это не он? Уэльки тоже отец был бароном, но, кажется, его

уже нет в живых... вроде как погиб. А у кого ещё из девочек отец может быть бароном? Ни у кого. Папа, хоть бы это был ты! Я всё прощу, лишь бы это был ты и забрал меня домой. Я даже за новую жену не стану тебя упрекать. Я долго ещё молилась, чтобы мои надежды оправдались, и совсем забыла о мальчике, которого мы (наверное, мы) должны будем тайно увезти с собой. Интересно, кого? Может быть, Нэля?

Интересно, он обрадуется или нет? Ох, а если это Колин? Нет, только не он. Я бы лучше малыша Ричарда забрала с собой, чтобы его тут без меня не обижали. Я уснула, так и не отгадав, кого из мальчиков завтра якобы украдут.

Утро наступило неожиданно быстро. Только прикрыла глаза, как меня уже кто-то толкает.

– Да вставай же ты, соня!

Это была взволнованная Лили.

– Только не говори, что уже утро, я спать хочу.

– Утро Лиза, утро. Вставай скорее. Сегодня у нас будут гости. Ну, то есть не у нас, а у мадам Ожюль. Но вдруг это за мной? Лиза, посмотри – я хорошо выгляжу?

И, не дожидаясь ответа, она продолжила:

– Мне уже пятнадцать; наверное, дядя подыскал мне мужа, вот и приехал за мной.

Мне жалко было Лили, но что я могла ей сказать? Я сама надеялась на чудо и... и боялась этого гостя. А вдруг это, и правда, за кем-то из девочек? А я, как Лили, размечталась...

Настроение испортилось. Мне вдруг так захотелось поплакать.

В дверь комнаты громко постучали. Лили побежала открывать. На пороге стояли Ричард и Нэль. Нэль пожал плечами, глядя на меня.

– Я тут ни при чём. Это ему не терпелось тебя увидеть.

Ричард увидел моё расстроенное лицо.

– Ты всё ещё обижаешься на Колина? – спросил наивный малыш.

– Что? А нет, не обижаюсь. Подожди меня, пожалуйста, за дверью; я оденусь, и мы до завтрака погуляем с тобой в саду. Хорошо?

Ричард счастливо кивнул и позволил Нэлю увести себя.

Лили тоже вышла в коридор, оставив меня одну, так как все девочки уже проснулись и покинули комнату. Я умылась в тазу холодной водой и надела свежее платье. Мне хотелось поговорить с Ричардом на всякий случай: вдруг меня, действительно, сегодня заберут? Нужно настроить ребёнка быть сильным и не плакать без меня.

Вот я размечталась. Если это будет не мой отец, думаю, плакать буду я, и никто меня уже не остановит...

Завтрак прошёл оживлённее, чем обычно. Мальчишки издевались над девочками, строя невероятные версии, к кому сегодня придут гости. Они так вошли во вкус, что, слушая их, я так и не поняла, как могла съесть целую тарелку ненавистной овсяной каши. А всё Колин со своими выдумками, будто в нашем доме прячется под чужим именем настоящая принцесса, и сегодня её легенда будет, наконец, раскрыта. Принцессой для своих издёвок, конечно же, он выбрал меня.

Ах, если бы я, действительно, была принцессой, то послала бы его на конец света, чтобы глаза мне не мозолил, пакостить больше никогда мне не посмел!

– Лиза! Лиза, ты меня слышишь? – в который раз позвала меня Лили.

– А? Что?

Ребята захохотали.

– Она уже представляет себя принцессой. Ха-ха-ха! – не унимался противный Колин. – Так что, Лили, дежурить сегодня в столовой придётся тебе.

– Иди, займись делом, Колин. Мадам Ожюль, насколько я знаю, не отменила вашего наказания, так что иди и займись грядками с чесноком и луком, пора собирать урожай, – грозно

сказала Лили. Она всегда старалась заступиться за девочек, взяв на себя за нас ответственность как самая старшая.

– Можешь же ты настроение испортить, Лили, – насупился Колин и покинул столовую вслед за другими...

Когда мы с Элькой уже убрали со стола и я села вязать кружева, со стороны двора послышался шум подъезжающей кареты. Видимо, гость уже приехал. По дому забежали воспитанники, пытаясь кто в окно, кто через приоткрытую дверь, когда выходила на улицу мамаша Ожюль, разглядеть гостя.

Моё сердце замерло от плохого предчувствия...

Я убрала свою работу в корзину и подошла к открытой двери столовой, чтобы услышать голос гостя. Я была уверена, что голос своего отца никогда не забуду и тут же его узнаю, если это он.

Секунды тянулись мучительно медленно. Гость всё ещё не заходил в дом. И вот, когда я уже была готова плюнуть на всё и выйти на улицу сама, в дом вошли мамаша Ожюль, гость и сын мамы Ворчун Грэг, недовольный тем, что ему пришлось нести вещи гостя. Хотя из вещей был всего-то небольшой свёрток, наверное, подарок мамаше Ожюль или его найденной дочке.

Моё предчувствие меня не подвело: голос гостя никак не мог быть голосом моего отца. Этот голос мне показался чересчур мягким для грубого голоса моего отца. К тому же, мой отец сразу потребовал бы позвать свою дочь, он всегда был нетерпелив, а этот отвечивал комплименты и рассыпался в благодарностях мамаше Ожюль за то, что та приглядывала за его дочерью.

Я расстроилась, но реветь не стала, хотя и хотелось. Пересилило любопытство: к кому же всё-таки приехал гость?

Ответ на мой вопрос пролетел с визгом мимо меня. Ещё момент – и Элька висела на шее у здоровенного бородатого мужика и, обливаясь слезами, причитала:

– Папа, папочка, я знала, что ты не умер! Я знала, а они... они сюда меня...

Надо же, повезло Эльке! Наверное, прямо сейчас отправится с отцом домой и забудет всех нас. Я бы на её месте точно забыла. Хотя нет. Я бы не смогла забыть Нэля, у него такие необычные глаза, а ещё он недавно заступился за меня... и Ричарда я бы тоже не забыла. О, боже мой! Так, значит, скоро кто-то из мальчиков исчезнет. Его увезут и заставят думать, что... а что нас заставят думать? Ах, да! Нас отправят искать пропавшего.

Я задвинула свою корзинку подальше под лавку и вышла из столовой. Я искала глазами мальчишек, пытаюсь выяснить, кого не хватает. Или это произойдёт позже? Возможно, даже ночью. Ну, и что мне делать с этой информацией?

Я обошла весь дом, сад и огород. Все мальчики были на своих местах и занимались ежедневными делами. Значит, ещё не время для исчезновения – наверное, как раз сейчас мамаша Ожюль обрабатывает барона, чтобы вовлечь в это дело. Я решила подойти к грядкам, где Нэль и Ричард выкорчёвывали морковь.

– Зачем пришла? – поднялся Нэль и посмотрел на меня, как на надоевшую муху. Должна признать, мне стало обидно, но, как всегда, я старательно это скрывала. А вот Ричард мне обрадовался и с довольным криком кинулся меня обнимать, но на полпути его поймал за воротник Нэль.

– Эй, друг, не спеши! Ты же не хочешь, чтобы её из-за тебя наказали, увидев грязь на платье?

– Я не буду пачкать ей платье, просто постою рядом.

Я подошла к мальчику и, присев, сама обняла его. Затем подняла глаза на Нэля, который странно на нас смотрел, будто ревнуя. Но это ведь не так? Точно не так, иначе не дёргал бы меня за косу каждый раз, когда никого нет рядом, но это всё глупости. Я должна с ним поделиться

тем, что знаю. Нэль мне казался умным – может, он придумает, что делать с информацией, свидетелем которой я стала.

– Нэль!

Я отпустила Ричарда и несмело, всё ещё решая, правильно ли я поступаю, подошла к Нэлю.

– Ты что-то хочешь мне сказать?

Я посмотрела на него с благодарностью за то, что не придётся долго ходить вокруг да около, и кивнула.

– Только не здесь. Я боюсь, что нас могут услышать.

И добавила шёпотом, на цыпочках подтянувшись к его уху.

– Это может быть опасно.

Глаза Нэля загорелись интересом, но вскоре я заметила в них тень сомнения. Он немного помолчал, видимо, что-то для себя решая, и повернулся к Ричарду.

– Ричард, иди, посиди на скамье в саду, только на глаза мамаше Ожюль не попадайся, а я пойду, поговорю с Лизой и вернусь.

– А мне можно с вами?

– Извини. Ты будешь смотреть за дорожкой в сад; если кого увидишь идущего к нам, мы будем в беседке, тут же беги к нам, хорошо?

– Хорошо. Я буду вас охранять.

– Спасибо, друг, – похлопал Нэль мальчика по плечу и, взяв меня за руку, повёл к беседке в саду.

В беседке было пусто, но я не спешила рассказывать: вдруг отчего – то стало страшно.

– Ну! – подгонял меня Нэль, буравя своими синими глазами.

– Рассказывай, раз позвала, что там у тебя произошло такого опасного.

Я набралась храбрости и рассказала всё, что знала, точнее, что мне удалось услышать в первый раз и вчера ночью. Нэль с грустью на меня смотрел. Казалось, мой рассказ не удивил его, а расстроил. Он прошёлся по беседке, пнул скамью и чертыхнулся. Я, не зная, что делать, попятилась к выходу, жалея, что развязала свой язык. Мне вмиг стало неуютно находиться рядом с Нэлем. Я поняла, что моя новость для Нэля таковой не являлась. Он заметил моё замешательство и, быстро подскочив ко мне, положил свои руки мне на плечи.

– Скажи мне, любопытное создание, кому ещё ты поведала сию страшную тайну? – пытаюсь шутить, спросил он. Я понимала, что ему вовсе не смешно, Нэль пытался разрядить обстановку, потому что понял, что я напугана.

– Никому. Я не знала, что мне с этим делать, и решила довериться тебе.

– Точно?

– Честное слово. Жизнью своей клянусь.

– Хм, жизнью, говоришь? Я смотрю, не очень-то ты ею дорожишь, раз шпионишь по ночам.

– Нет, – стала оправдываться я: мне так не хотелось, чтобы Нэль думал, будто специально шпионю по ночам за людьми. – Всё случайно вышло. В первый раз мне стало душно, и я просто хотела открыть окно, чтобы подышать свежим воздухом. А вчера, сам знаешь, мадам Ожюль допоздна меня вязать заставила, а потом...

– Тихо. Сюда кто-то бежит.

Я замолчала и посмотрела в сторону дорожки, которая поворачивала влево за розовым кустом. К нам, спеша и спотыкаясь, бежал Ричард.

– Лиза! Лиза, там мамаша Ожюль. Она звала меня, а я убежал. Пойдём со мной, я её боюсь. У неё глаза как у ведьмы и зубы кривые, а ещё она...

– Ричард, я с тобой пойду, и никто не посмеет тебя обидеть, – сказал Нэль и увёл мальчика, шепнув мне о том, что разговор не закончен и после ужина нам нужно встретиться здесь

снова. Что ж, надо – значит надо. И куда я влипла? Ладно, пора возвращаться в дом, скоро нам велят переодеться и, как положено, проститься с Элькой...

* * *

На ужине все воспитанники по случаю прощания с Элькой, или, как оказалось, с Эльвирой фон Бахн, были одеты по – парадному. Девочки в новых сереньких платьях с белыми воротничками, мальчики тоже в сером, только рубашки под жилетами были белые, а не серые, нараспашку, как обычно.

На столе было для нас непривычно много еды, так как такой традиции прощания у нас никогда не было. Думаю, это всё было сделано из-за барона, так сказать, пыль в глаза. Наверное, мамаша Ожюль не в восторге, что пришлось на нас так потратиться, но барон решил присутствовать на ужине, и одним луковым супом тут было не обойтись. Поэтому мы ели с большим аппетитом, а кто-то и с нескрываемой жадностью.

На столе были рулетики из баклажанов, мясной пирог, пирожные с кремом, картофель, запечённый с рыбой, и салат из овощей, что выросли на нашем огороде. Для тех, кто не первый год живёт в доме мамы Ожюль, сегодня был настоящий пир, и каждый старался набить свой живот, пока «праздник живота» не кончился. Даже малыш Ричард торопливо накладывал себе рыбное филе и набивал себе рот, хотя жил с нами всего чуть больше двух недель.

Лили чинно сидела за столом, как настоящая леди, и не спеша ковыряла свой салат, лишь покрасневшие глаза выдавали её внутреннее состояние. А я ела, как мальчишки: быстро и всего по чуть-чуть, пока барон не поднялся со стола. Мамаша Ожюль, которая сидела рядом с бароном, с видимым усилием делала вид, что ничего необычного не происходит, и всё время шутила, дабы барон поменьше удивлялся, глядя на то, с какой жадностью дети уплетают ужин. Лишь счастливая Элька все время улыбалась, с гордостью поглядывая на нас и почти ничего не ела – видимо, барон успел накормить свою дочурку сладостями перед ужином.

Ужин закончился. Дежурные остались в столовой, а остальные высыпали на улицу помахать на прощанье счастливой Эльке, которую в дорожной карете отец увозил домой...

Я молча плакала, смотря вслед удаляющейся карете. А ведь на её месте могла быть я, если бы только мой отец пожелал меня забрать. Мне стало очень за себя обидно. Мама умерла, отец нашёл другую и поспешил избавиться от меня. Ну, что я плохого ему сделала? А я ведь верила, что он нас с мамой любит. Насколько я помню, он никогда на меня не кричал, не был чем-то мной недоволен, подарки дарил. Так почему избавился от меня? Неужели Оливия так его покорила, что я стала лишней?

– В беседку, – неожиданно шепнул мне на ушко Нэль, отчего я вздрогнула и все мысли о горькой судьбе вылетели из головы. Нужно было срочно решать текущие проблемы, которые неизвестно чем для меня закончатся.

Когда я вошла в беседку, Нэль уже мерил её нетерпеливыми шагами, о чём-то напряжённо думая. Завидев меня, он остановился, внимательно, по-взрослому посмотрел в мои глаза и велел сесть на скамью. Затем сел рядом и взял меня за руку, слегка сжав пальцы.

– Лиза, ты любишь Ричарда? – спросил он шёпотом, хотя, кроме нас, в беседке, да и поблизости, никого не было.

– Да. Он мне стал как брат, который должен был родиться примерно пять лет назад, когда умерла мама.

– Я сочувствую тебе, Лиза, но речь сейчас о Ричарде. Поэтому подумай ещё раз, насколько ты его любишь и на что готова, чтобы спасти его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.